

Колодец

— ...Ну вот, значит, шёл мужик мимо колодца — настроение хорошее, солнышко светит, душа радуется, птички поют — благодать Божия... Подошёл мужик, значит, к колодцу да и крикнул туда: — А! — А в ответ ему: — Б! — Он туда: — В! — А ему: — Г!!! Заглянул тогда мужик в колодец и удивился...

Тут дед Матвей, как всегда неожиданно, по своему обыкновению, замолчал, вроде что-то припоминая, а потом начал рассказывать совсем другую историю. У него так частенько случается: в середине рассказа, обычно на самом интересном и захватывающем моменте, он как бы теряет мысль или нить повествования и либо продолжает рассказ, оставив за кулисами несколько событий и продолжая из другого места, либо вовсе начинает излагать другую историю. Либо просто засыпает, и тогда вернуть его к уютной беседе у костра нет решительно никакой возможности. Пока не проспится и не продолжит сам, как ни в чём не бывало, иногда даже так удачно, что именно с оборванного полуслова.

Одним словом, дед был ещё тот, а нам, молодым лэповцам, в то время его рассказы заменяли и телевизор, и радио, и компьютеры, о которых мы тогда и слыхом не слыхивали. Молодые и здоровые, мы могли в то время весь тёплый летний вечер просидеть своей бригадой у костра, с одной лишь бутылочкой водки, выпивая из кружки, которая неспешно ходила по кругу и делала разговоры откровенней и задушевней. Это было, кажется, году в тысяча девятьсот шестидесятом, может, чуть раньше или позже. Мы в те времена прошли пол-Сибири, строя линии высоковольтных электропередач и зарабатывая на электрификации просторной окраины по тем временам немалые деньги.

Дед Матвей с некоторых пор стал к нам наведываться из соседнего села, благо, что жил на окраине Покосного. Ну да, того самого, о котором поётся в песне: «А вокруг у села Покосного хороводят берёзки с соснами, и пускай тот, кто не был в Лэпии, завидует нам». Мы Пахмутову любим — она в те годы написала много хороших песен: и про Братск, и про Усть-Илим, и про Иркутскую ГЭС, и про Ангару...

Дед Матвей много побродил по белу свету, пока не осел в Покосном: начиная с двадцатых годов, сразу после гражданской, он освоил строительство колодцев, а поскольку мастеров таких было мало, то и заказы сыпались изо всех ближних и дальних деревень. Работы хватало от весны до поздней осени, и так каждый год.

Строить колодцы — особое искусство, тут многое нужно знать — и где вода находится, какой глубины делать шахту, чтобы среди зимы или по весне вода не ушла; какую древесину подобрать для сруба, чтобы он простоял лет пятьдесят, не сгнивая; как укрепить подводную часть, чтобы она не осела и не разрушилась. А то ещё раньше делал журавлики — большей частью ими доставали воду из колодцев в деревнях, это много позже стали делать срубы с воротом, на который наматывалась цепь с ведром. Опять же цепь нужна хорошая, сталистая, чтобы ржавчина не портила воду. Чтобы вода всегда была чистой и студёной, на дно колодца надо положить слой речного песка, сверху присыпать его галечником. В общем, много было хитростей и секретов, которые теперь, пожалуй, никому не нужны: даже на дачах стали забивать трубы и устанавливать насосы, так что обходятся без колодцев. И всё-таки колодец — это не какая-то там ржавая труба или бетонный ствол, это поэма, сказка, романтика!..

Сколько с колодцами связано былей и небылиц! Дед Матвей знал их бессчётно и мог рассказывать неделями. Мы слушали, как заворожённые. Однажды поведал он маловероятную историю из своей практики, предупредив, однако, чтобы мы не смеялись, потому что ничего он не придумывал, а рассказал всё, как случилось.

Было это в середине или в конце тридцатых годов, время трудное и непростое. Хотя, с одной стороны, жить стало веселее — позабылись тяготы и беспредел революции и гражданской войны, голод начала тридцатых. Матвей в те годы уже не был подмастерьем, работал самостоятельно. Однажды пригласили его в деревню Н. (тут дед сделал строгое лицо и отметил: «Не буду называть, какую»). Молодые хозяева построили хороший дом, баню, стайки, а вот соорудить колодец сами не смогли — пригласили Матвея, как самого известного мастера в округе.

— Дед, а ты видел звёзды из колодца? Говорят, даже ясным днём из колодца видны звёзды? — спросил кто-то из сидевших у костра.

— Нет, не видел ни разу. Враки всё это про звёзды, только кусочек неба видно, такое же синее. Но я видел кое-что поинтереснее, но не на небе, а в глубине колодца. Вот слушайте.

Сговорились мы, значит, о цене, столовался я у них, место мне отвели в сениях, в кладовочке поставили топчан, по летнему времени нормальное жильё. Со мной работал, правда, ещё пацан лет тринадцати-четырнадцати — подмастерье, его отправили на сеновал. Пацана Спирькой звали, Спиридон, значит, по-взрослому. Одному-то несподручно рыть колодец, надо ведь отвал кому-то подавать, ну там и самому подняться-спуститься помочь надо, да мало ли что?

Вот, значит, докопался я до водоносного слоя, это метра четыре с лишком будет, смотрю: земля подо мной мокреть начала — значит, скоро вода наберётся в мою ямину. И тут копнул я ещё немного сбоку, а оттуда — не поверите! — золото и камня драгоценные посыпались как ручьём! Я опешил: что делать? Время было строгое, меня и без того уже несколько раз милиция задерживала: не шпион ли? Почему по деревьям ходишь, место жительства постоянно меняешь? Запросто в те годы мог загреметь в лагерь. Говорят же — не всякой находке радуйся! Потому и решил от греха подальше не трогать это богатство, а прикопать его поглубже, чтобы с водой кто не поднял случайно наверх.

— Дядь Матвей, чё там у тебя такое? — сверху спрашивает мой помощник.

— Да так, потом скажу, подымай наверх!..

Когда закончили работу, я в последний вечер рассказал Спирьке, что обнаружил на дне колодца. Подмастерью моему было невдомёк, почему это я отказался от такого богатства:

— Ведь можно было за эти деньги безбедно прожить до скончания века...

— Ага. Если бы сам не скончался раньше срока...

Вскоре мы получили расчёт и ушли в другую деревню на заработки, только я не знал, что перед уходом Спирька рассказал хозяину дома о том, какой клад таится в его колодце.

...Летний сибирский вечер набирал крепость: вокруг стало темно и прохладно. Дед Матвей молчал, глядя на золотые язычки пламени, и явно думал о продолжении истории, потому что хитро улыбался и неодобрительно качал головой. Зная характер нашего знакомца, ребята стали упрашивать старика:

— Ну, дед, не томи, ты ведь знаешь, чем закончилась история с колодцем?

— Знаю, как же. Года через два мы снова оказались в той деревушке.

— И что же там?

— А вот что. Слушайте...

Пришли мы со Спиридоном к тому месту, где раньше строили колодец, а дома-то и нету — одни обгорелые останки от него. А колодец наш стоит, цел и невредим, только сруб сверху заколочен напроць.

Стали мы расспрашивать тогда, что же случилось с хозяевами, и соседи поведали жуткую историю. Такие чудеса, что дыбом волоса. За что купил, за то и продаю.

После нашего ухода спирькины слова про клад никак не давали покоя хозяину — всё думал, как добыть этакое богатство, прямо под носом у него хранящееся. И ведь как оно оказалось на такой глубине-то? Какой дурак будет копать яму в несколько метров, чтобы спрятать драгоценности? Загадка!

Думал-думал мужик и придумал: подцепил вместо ведра к журавлику нечто вроде поддона; сам журавль утяжелил дополнительным грузом, чтобы человека сподручнее было спускать-поднимать; приготовил мешок, самодельный сачок из дуршлага, примотанного к черню от лопаты; ведро привязал к длинной веревке, а бабу свою поставил помощницей. Спустился в колодец, а вода в нём небольшая

была — с метр или чуть больше глубиной. Сунул свой дуршлаг в воду, чуть пошурудил им, и вот уже что-то блеснуло в полумраке сквозь слой воды. Черпнул и вынул поближе своё орудие — мать честная! Там золотые монеты, какие-то камни разноцветные блестят, переливаются.

Крикнул мужик бабе своей: спускай, мол, ведро на веревке. Наполнил его драгоценностями и отправил наверх. «Там в мешок сразу ссыпай, чтоб никто не увидел ненароком!» — это он бабе наказал. Набрал второй раз ведро, потом третий. Потом попробовал копнуть ещё — нет, ничего, вроде бы, нет. Решил подниматься. Оказалось, набрал сокровищ почти полмешка, пуда три с гаком будет. Решили спрятать клад в амбаре. Вечером заснули, уставшие, но довольные.

— Ну, дед Матвей, ты даёшь — кто же клады по три пуда зарывает, да ещё на такую глубину?! — раздался у костра голос одного из скептиков.

Мы же тогда коммунизм строили, все были атеисты, и в сказки разные не верили. Сказка, вот она — вся Сибирь в электрических огнях и электропоездах...

— Попал пальцем в небо, да в самую серёдку, — возразил дед Матвей. — Не любо — не слушай, а врать не мешай. Не хочешь слушать, как врут другие, ври сам.

Старик обиженно замолчал.

— Да ладно, не обращай внимания, дед. Рассказывай дальше, интересно же, чем всё кончилось. На-ка вот, смочи горло, — протянули мы деду Матвеем кружку с остатками водки. Дед выпил и продолжал:

— Ну вот. Спят, значит, молодые, а среди ночи вдруг шум какой-то в сенях и мерзкий такой звук угрожающий — не рычание, а что-то похожее на соболиную угрозу. Соболя ведь, не смотри, что маленький, а очень свирепый зверь. От его рычания мороз по коже. Так вот, это было похоже на соболя, или на медведя, но послабее медвежьего, угрожающий такой звук — страшно! И давай эта невидимая тварь дверь грызть, да так, что вскорости образовалась дыра такая, что и морда стала видна крысиная. Только крыса была раза в три больше обычной. Баба поспоровистей, видно, была — на стол вскочила, где лампа стояла керосиновая. А мужик на кровати от ужаса застыл, потому что эта крысиная тварь не одна была, а за ней протиснулись в отверстие ещё с десятков мерзких чудовищ. И бросились все на мужика, в несколько минут разорвав ему плотку и залив всю постель кровью. Баба в ужасе была, но самообладания не потеряла — схватила лампу, открутила с неё головку с фитилём и бросила горящий фитиль на пол, а следом вылила из лампы весь керосин. Огонь занялся знатный, так что все крысы быстренько выскочили из дому, а баба, чтоб самой не сгореть, накинула на себя одежонку и выбежала следом. Дом уже весь был объят огнём, так что вокруг стало светло как днём. Крыс нигде не было, и только из колодца доносилось их мерзкое рычание, потом и оно стихло.

Соседи проснулись, бросились дом тушить с вёдрами и баграми, но где там! Сгорел дотла. А вот амбар с сокровищами остался цел. Баба посмотрела — сокровища на месте, только мало радости было от этого: она поняла, что ночное нападение крыс как-то связано с этим кладом.

Утром явилась комиссия во главе с милиционером, чтобы выяснить все обстоятельства ночного происшествия. Сначала стали подозревать бабу в убийстве мужа и попытке с помощью пожара скрыть свою вину. Но баба повела их в амбар и показала клад. Ошарашенная комиссия стала осматривать сокровища и составлять акт. Но пересчитывать все камушки и монеты было бы нереально — месяц

бы сидели, составляя акт. Решили написать общий вес — получилось три пуда с лишком. Опечатав ценный груз, вызвали сотрудников НКВД, и только в их сопровождении милиционер согласился везти ценный груз в городское отделение Госбанка. Два сотрудника НКВД и милиционер часа через полтора после осмотра места происшествия были уже в городе. Управляющему банком предъявили акт на три пуда сокровищ и опечатанный мешок. Тут же вскрыли мешок, чтобы уже официально подтвердить изъятие клада. Но в мешке оказались только крысиные какашки, серо-чёрный помёт, издававший отвратительный запах.

Говорят, энкавэдэшников и милиционера арестовали, обвинив их в присвоении клада, и долго пытали, так ничего и не добившись. Дальнейшая судьба их неизвестна, а баба куда-то уехала из деревни. Местные жители, напуганные этой историей, наглухо заколотили злосчастный колодец...

Посиделки наши у костра уже подошли к концу, завтра всем рано вставать, да и дед засобирался домой — в деревне загорелись огоньки. В темноте казалось, что они совсем рядом. «Близко видно, да ногам обидно», — сказал дед Матвей, сделал шаг в сторону от догоравшего костра. Скоро он растворился в темноте, будто его и не было.

Старый дом

Лёжа на верхней полке плацкартного вагона, Николай пытался заснуть под мерный стук колёс, но сон никак не приходил. После очередного скандала с женой он не мог прийти в себя и успокоиться. Хотя поначалу вечер пятницы обещал быть обычным, конец рабочей недели Николай отметил с друзьями в пивной, поговорили о том, о сём и разошлись. Дома его Наташа, как всегда, завелась с порога, учуяв запах спиртного: и зачем она связала свою жизнь с неудачником, и сколько он будет мучить её и ребёнка своими пьянками-гулянками, и когда это кончится, и почему он не ищет нормальную работу, где платили бы приличные деньги. Деньги для неё были всё, но почему-то они не любили Наталью: через пару дней после николаевой зарплаты кошелек её оказывался пуст, она умудрялась влезать в долги, и конца-края этому не было видно.

Работал Николай на машиностроительном заводе, рядовым инженером, карьеры никакой не сделал, хотя после окончания технологического института прошло уже двенадцать лет, десять из которых они прожили с Натальей. Нельзя сказать, чтобы он не любил свою жену, но, если каждый день после работы видеть её вечно недовольное лицо и слышать одни и те же упрёки, чувства быстро притупляются и сменяются желанием уйти, скрыться, отдохнуть от всего этого. Одна радость — дочка Светлана, она уже большая, нынче пойдёт в школу. Играя с ней, читая ей книжки и рассказывая разные истории, просто гуляя по улицам и парку недалеко от дома, он отдыхал душой. И жизнь не казалась ему такой беспросветной, серой и унылой.

Пятничный отдых дома не удался, Николай поздним вечером, побросав кое-какие вещи в дорожную сумку, отправился на вокзал и купил билет до Михайловки, родной деревни, где его никто не ждал, потому что мама скончалась прошлой осенью, а отец двумя годами раньше. После похорон матери Николай заколотил окна и двери родительского дома и уехал в свой город, не чая вернуться сюда когда-либо.

Ранним утром его ногу тронула проводница:

— Михайловка!..

Николай за несколько минут успел обуться-одеться, даже сбежал умыться и почистить зубы. Поезд притормаживает на станции всего на одну минуту. По правде сказать, никакой станции здесь нет — есть только небольшая забетонированная платформа и указатель с надписью «Михайловка», а дальше — степь, покрытая небольшим кустарником и редко стоящими деревьями. До самой Михайловки ещё километров пять топтать надо, и автобусы здесь не ходят, разве что какой-нибудь лихач на машине промчится по здешнему бездорожью.

Следом за Николаем из вагона выскочила девушка в джинсах и голубой кофточке, с сумкой через плечо:

— Вы в Михайловку? — спросила она. — Можно я с вами пойду, как будто я ваша подруга, чтобы встречные бандиты не приставали?

— А вдруг я и есть бандит? — усмехнулся Николай.

— Нет, вы на бандита не похожи. И я вас знаю, вы осенью приезжали в деревню, на похороны, я вас видела...

— Вот как? А я тебя не помню. Хотя там некогда было разглядывать по сторонам. Может, и видел, да не запомнил. Тебя как зовут-то?

— Настя. Анастасия. А вас?

— Николай. Ну, вот и познакомились.

— А я вас ещё в городе, на вокзале, заметила. Хотела подойти, но постеснялась. К тому же вы такой грустный были. Мне так и хотелось вас пожалеть, только не смейтесь надо мной. У вас какие-то проблемы?

— Да нет у меня никаких проблем. Просто я живу. А жизнь и есть одна сплошная проблема!..

— Ну, нет! Тут вы неправы, — возразила Настя. — Посмотрите, какая красота кругом! Живи и радуйся! Особенно летом, когда столько воздуха, столько простора кругом, так бы и полетела!..

— Я бы тоже не прочь полетать, кабы крылья были...

Настя щебетала всю дорогу: рассказала про то, как она дважды поступала в институт, но провалилась на экзаменах, как устроилась в прошлом году секретарём в сельсовет, как она гостила в городе у подруги, потому что сама сейчас в отпуске, как рада вернуться в Михайловку и как рада, что встретила его, Николая. Тут Настя осеклась, чтоб ничего не подумал такого: просто рада, что есть попутчик, и не нужно идти одной по этому бездорожью.

Николай больше молчал, слушал нежданную попутчицу. А её жизнерадостность и оптимизм подействовали на его уставшую и раненую душу как лекарство: боль уходила, становилось легче, и будущее представлялось уже не таким безысходным.

Николай сорвал какой-то полевой цветок, росший у дороги, и вручил его Насте; та зарделась от удовольствия, будто ей преподнесли роскошный букет роз. Она восхищённо глядела на мохнатое фиолетовое чудо, подносила его к носу и вдыхала аромат знойного луга, потом протягивала руку вперёд и как бы издали любовалась бесценным даром Николая, сама вложив в цветок множество радостных чувств и волнений, какое доступно лишь очень влюблённому человеку. В конце концов, Настя прикрепила стебелёк цветка булавкой к блузке и так прошествовала с ним до самого дома.

— Ну, вот вы и дошли, — сказала Настя, останавливаясь возле дома с заколо-

ченными ставнями. — Если что понадобится, я живу рядом, вон тот дом с зелёными воротами и беленьким палисадником. Можно я вас поцелую на прощанье?

Не дожидаясь ответа, Настя чмокнула Николая в щёку и поспешила дальше, ещё раз оглянувшись и помахав ему рукой:

— Так вы придёте? — крикнула она.

Николай молчал. Потом повернулся и открыл калитку родительского дома.

Разыскав в амбаре старенький топор, стал, не откладывая дело в долгий ящик, отрывать доски с наличников, открывая ставни давно не видевших белого света окон. Потом сбегал в местный магазинчик и прикупил краски и кистей, решив покрасить полы в доме и наличники в улицу. Работа нетрудная, и за несколько часов он управился.

Наступал летний вечер, когда Николай присел на крыльце амбара, чтобы отдохнуть и перекусить. И тут в воротах появилась Настя, она несла небольшой узелок, сделанный из беленького платка:

— Вот. Вы не пришли, и я сама решила к вам заглянуть. Принесла вам горяченького — тут картошка с мясом, молоко и хлеб домашний. — Она развернула платок, сотворив из него маленькую скатерть, на которой разместились добрая краюха черного деревенского хлеба, бутылка молока и эмалированная миска жаркого. Не забыла даже ложку и кружку. — Кушайте!..

Николай немного смутился:

— Да не надо было беспокоиться. У меня тут есть что перекусить.

— Ладно, вы ужинайте, а я проинспектирую вашу работу. Можно?

Днём Николай прошёлся со старой, направленной косою по двору, сплошь заросшему крапивой и полынью, и теперь ограда приняла обитаемый вид, хотя оставались ещё явные следы запустения. Настя прошлась по увядшей за день скошенной зелени, заглянула в дом, где блестели в закатном солнце свежевывкрашенные полы, поглядела на окна, сиявшие бирюзовой краской, и осталась вполне довольна работой Николая:

— Молодец, времени даром не терял...

Николай тем временем завершил свою вечернюю трапезу, поблагодарил Настю за ужин и закурил, удовлетворённо глядя на родные пенаты. И почему человека так тянет в родные места?!

Вспомнил ранешнюю деревню, она была та же, но совсем другая. Были в Михайловке даже свои юродивые — звали их Ваня-парашютист и Маня-вещунья. Ребятня, хоть и насмешничала, но побаивалась их, а взрослые относились не то чтобы с почтением, но с удивлённым вниманием.

Ваня, тот и зимой, и летом носил вериги, тяжёлые толстые цепи, и блаженно улыбался, когда его дразнили. Поговаривали, что он был когда-то парашютистом, но не раскрылся однажды его парашют. Куда и зачем прыгал, шут его знает, а только остался Коля в живых без права быть несвободным. Вернулся в Михайловку, да только не остался в ней насовсем, а уезжал временами куда-то, иногда надолго, потом появлялся снова, позвякивая цепями и тыкая в небо указательным пальцем, грозил встречным и заставлял сердца сжиматься и трепетать под его бессмысленной улыбкой и обжигающим взглядом мёртвых глаз на ещё живом лице.

Маня-вещунья была толстая старуха с невыносимо безобразным лицом, на котором выделялись крупные, похожие на увядшие помидоры, морщинистые губы, обрамлявшие слюнявый рот с двумя-тремя зубами. На глаза ей старались не попадаться. Потому что Маня редко бывала в благодушном расположении духа, а чаще

сулила каждому встречному-поперечному разные беды и несчастья, в чём, несомненно, преуспела. Может, потому что радостей в жизни сельчан с каждым годом становилось всё меньше, а неприятностей и бед — хоть отбавляй. Только Богу известно — Маня ли в этом виновата, или судьба у деревни такая. Одно можно сказать точно: после того, как сгнула слюнявая деревенская вещунья, напастей не убавилось...

Странное дело: эти двое могли отсутствовать по нескольку месяцев, а то и год, и два, но обязательно возвращались в родную деревню, будто что-то манило их сюда, как рыбу на нерест. Вот и себя Николай поймал на том, что вроде бы и не собирался больше приезжать в Михайловку, а как стало тягостно и невыносимо, как задумался о дальнейшей жизни, так и потянуло в Михайловку.

Родина! Как часто мы клянём её, ругаем, проклинаем, даже иногда ненавидим, смеемся над её простоватостью и неухоженностью, над её наивностью и отсталостью. А она молча терпит эти выходки своих детей, снова и снова принимает нас такими, какие мы есть, снова и снова согревает нас своим теплом и спасает от жизненных невзгод!..

Настя присела на крылечке рядом с Николаем, боясь спугнуть его задумчивость и мечтательное выражение лица.

Наконец, она осмелилась задать вопрос, который сейчас особенно волновал её: — Николай, а вы надолго приехали в деревню?

Настя надеялась услышать «Навсегда», но Николай молчал, сам ещё, видимо, не решив, как быть дальше.

— Не знаю, Настя, я как-то запутался. Думаю, всё-таки завтра к вечеру нужно возвращаться. Мой уикенд на сеновале закончится, меня ждёт завод, семья, дочка, наконец...

Настя вскинула на него испуганные и умоляющие глаза:

— Не уезжайте, Николай!.. Вы... Я...

Насте так захотелось, чтобы он обнял её сейчас же, притянул к себе сильными руками и поцеловал. Так захотелось, что она расплакалась.

— Дурёха, ты чего? — Николай обнял Настю и спросил: — Тебе сколько лет-то?

— Двадцать три, — сквозь слёзы ответила Настя.

— Ну вот, а мне тридцать шесть, и у меня дочка, и жена...

— Я знаю. Но я, я не могу... Я не могу вас отпустить, я люблю вас!..

Прежде чем Николай успел опомниться, Настя осыпала его лицо поцелуями и крепко-крепко прижалась к нему...

Утром Настя проснулась рядом с Николаем на его сеновале, осторожно просунула голову под его рукой, так, чтобы он обнимал её, погладила его густую попросль на груди и прошептала:

— Коля, Коленька, родненький мой... Я всегда-всегда буду любить тебя, только не бросай меня...

Николай ещё спал, но через секунду-другую очнулся от небытия, хотя глаза ещё не открыл, но уже думал о том, как ему быть дальше. Он устал быть виноватым. Перед женой, перед дочкой, теперь вот ещё и перед Настей. Почему нельзя быть просто счастливым? Почему его счастье почти всегда — чья-то боль, чья-то потеря? А может, он не зря вчера приводил свой старый дом в порядок? Может быть...